

— Пролог —

Мальчик долго молчал, и мужчина больше не обращался к нему. Он взял со стола бумаги и стал перебирать их, втайне ожидая вопросов. Так и вышло.

— А это точно случится? Ну, когда мне исполнится одиннадцать?

Мужчина внимательно оглядел его и пожал плечами:

— Я говорю тебе только то, что знаю от твоего отца. С ним это случилось в одиннадцать, и с его отцом тоже.

— Значит, точно? А как же... дядя?

— Да, ты прав. Есть ещё и твой дядя, — бумаги вернулись на стол. — Что тебе сказать? Скоро всё станет ясно. День твоего рождения всего через неделю.

Мальчик вздохнул и опустил голову.

— Тебе страшно? Не бойся, не надо. Всё будет ровно так, как и должно быть. Я буду рядом.

I

ррен Марс растёр в пальцах комок земли. Тот рассыпался в пыль. Дождь, нужен дождь. Но небо не обещало прохлады, яркая синева пылала жаром, иссушая всё вокруг. И ветер тоже нёс с собой только горячее дыхание солнца. Земля лопалась, открывая в широких трещинах высохшее нутро. Это напоминало глубокие раны, нанесённые острым мечом или ножом. Но что за война здесь идёт?

Хотелось верить, что всё наладится, всё будет в своё время. Дождь пропитает высохшую землю и залечит её раны. И всё остальное тоже обретёт утраченный порядок. Аррен долго учился принимать всё, что даруется ему свыше, — и радости, и беды. В благодарность за его старание разрушающийся мир был по-прежнему благосклонен к нему — у него и его семьи было всё, что нужно.

Он научился не бояться много лет назад, но сейчас это было трудно как никогда. Холодная бесснежная зима, поздние весенние заморозки, а теперь ещё эта страшная жара. Последняя неделя была просто безумием. Теона каждый раз, приезжая из города, привозила с собой страшные слухи о пожарах и смертях. Всё вокруг вышло из равновесия, качалось, держась на тонких нитях, и грозило обрушиться. Он чуял это, как звери чуют запах охотника, но не хотел признаться даже самому себе. И потому отгонял страх, рассеивал его воспоминаниями о том, как всё было прежде. Что станет с ним и его семьёй, если он испугается?

Жена подошла, молча встала сзади, ожидая, когда он обернётся. Аррен чувствовал её присутствие, но стоял неподвижно, не произнося ни слова. Наконец Теона шагнула вперёд и заговорила:
— Кошка пропала.

Он удивлённо обернулся. Морщины на загрубевшем лице стали как будто глубже и темнее. Кошка жила у них три года, она исправно приносила котят. Аррен никогда не топил детёнышей — любое прибавление было для него символом плодородия и достатка. Он принимал их так же, как и все прочие дары, что приносил ему мир.

Кошка ждала, пока котята подрастут, учила их охотиться, а потом уводила в лес или в поле и оставляла там. Там они жили, там и охотились на мелкую дичь. Иногда Аррену приходилось видеть небольшую полосатую тень, крадущуюся меж ветвей или тихонько шуршащую сухой травой. Все они мастью были похожи на мать: дымчато-серые, переливчатые, словно порождения ночных теней. Сама кошка всегда возвращалась назад. Сейчас она снова ждала котят. Жена говорила, они рождаются со дня на день.

Недоброе предчувствие хотело шевельнуться внутри, но Аррен отогнал его. Не стоит бояться того, что не случилось. А уж того, что случилось, — и подавно. Всё происходит ровно так, как должно. По крайней мере, так было раньше...

Отгоняя сомнение, он тряхнул головой и ответил:

— Она найдётся, не беспокойся.

Иногда ему казалось, что мир посылает какие-то знаки. Сейчас Аррен тоже что-то чувал,

но что — сказать не мог. Не стоило ломать голову. Право, не стоило.

День клонился к закату. Аррен взгляделся в пыль, поднявшуюся вдалеке на дороге. С поля возвращались работники. Стук копыт звучал всё громче. Уже можно было рассмотреть фигуры в повозке. Мужчина нахмурился: ребята сидели, сбившись к краю, перед ними лежало что-то небольшое, накрытое рубахой. Они что-то привезли. Старший из работников, Эйнар, спрыгнул и подошёл к хозяину. Кивнув в знак приветствия, достал из кармана платок, вытер вспотевшее лицо.

— Очень жарко. Нужен дождь.

Аррен в ответ спросил:

— Что там?

— А! — Эйнар устало кивнул. — Подобрали мальчишку, лежал прямо на обочине. Ничего не говорит, глаз не открывает. Не знаю, как по мне, не жилец. Как решите, что с ним делать? Оставить его там я не смог.

Аррен кивнул и, хромая, подошёл к повозке. Это действительно был ребёнок. Лет десяти-двенадцати, не больше, одет в какие-то лохмотья. Свернувшись в клубок, он прижался к борту повозки. Мужчина тронул его за плечо. Не открывая глаз, мальчишка попытался отодвинуться. Аррен смахнул длинные русые волосы и тронул лоб.

— У него сильный жар, давай-ка я занесу его в дом.

Мальчика уложили на кровать и накрыли льняным покрывалом. Он дрожал и постанывал, по-прежнему не открывая глаз. Подошла Теона, ахнула.

Аррен оглянулся и пояснил:

— Эйнар подобрал мальчишку на дороге. У него жар. У тебя есть что-нибудь?

Теона молча кивнула, не сводя глаз с ребёнка.

Час спустя она встала на пороге комнаты, где ужинали муж с сыном, и знаком попросила мужа выйти. Аррен нахмурился: из-за пустяка Теона не стала бы поднимать его из-за стола.

— Что случилось?

— Аррен, я раздела мальчика, чтобы оберечь. У него на плече свежее клеймо, голова орла. Что это значит? Он беглый раб? Его будут искать?

Мужчина тяжело вздохнул и сдержался, чтоб не выругаться. Вместо того спросил:

— Как он вообще? Жить будет?

— У него на спине следы от кнута, всё страшно воспалилось, оттого и жар. И ещё эта рана на плече... Я дала ему выпить отвар, обтёрла настойкой, сделала повязки. Мне кажется, ему уже легче. Он по-прежнему горячий и не открывает глаз, но хотя бы стонать перестал.

Аррен потёр лоб и ответил:

— Давай подлечим его, а там пусть идёт на все четыре стороны.

— Но если его будут искать?

— Не стоит думать о том, чего ещё не случилось. Просто позаботься о нём. И скажи, когда он придёт в себя. Не рассказывай никому о том, что видела. Я скажу ребятам, чтоб тоже не болтали.

Теона не уходила.

— Аррен... Ещё: на шее у него кожаный мешочек на шнурке. Вдруг это ведьмин амулет? Талисман с заклятьем? Вдруг он навлечёт проклятье на наш дом?

Аррен покачал головой и сдержанно ответил:

— Не придумывай лишнего. Ладно?

Он мягко положил руку на плечо Теоны, и женщина послушно кивнула. Аррен вернулся за стол. Молча сел, положил себе ещё жаркого. Сын вопросительно посмотрел на него. Не дождавшись ни слова, спросил:

— Что-то случилось?

Аррен, отрицательно качнув головой, разрезал большой кусок мяса и отправил половину в рот.

— А зачем тогда мама приходила? Что-то случилось?

Отец снова покачал головой.

Лукас раздражённо сжал губы. «Он как каменный истукан, слова не дождёшься...» Сдер-

жавшись, чтоб не бросить что-то грубое, обиженное, потянулся за хлебом.

Отец почувствовал его напряжение и, вздохнув, нехотя бросил:

— Сегодня Эйнар подобрал на дороге больного мальчишку. Мама лечит его. Вот и всё, никаких тайн.

Аррен не любил говорить. Он уставал от слов. Слова казались ему пустой породой, в которой прячется золотой песок. Ему приходилось видеть, как работают на прииске. Промываешь целую кучу земли, камешков, отбрасываешь лишнее и получаешь песчинку золота. И хорошо ещё, если получаешь.

Горы слов так легко нагромождались, но что оставалось, если отбросить лишнее? Теона давно привыкла к его характеру. Первое время она обижалась, даже плакала. Думала, что он не желает говорить с ней. Но потом поняла, что Аррен таков сам по себе, его не изменить и дело вовсе не в ней. Невозможно сделать из камня воду, а из песка траву. Аррен был рад, что Теона перестала страдать из-за его характера.

Его единственный сын был совсем другим. Лукас задавал вопросы, не задумываясь, нужны ли ему ответы. Говорил только потому, что слова приходили в его голову. Аррен не мог долго находиться рядом, ему начинало казаться, что

болтовня обволакивает его паутиной и не даёт дышать. Почему так вышло?

Лукас в свои восемнадцать не видал и сотой доли того, что досталось его отцу в те же годы. Что он вообще видел? Ничего, кроме материнской заботы. Эх! Аррен встряхнул головой. Мысли о сыне всегда тревожили его. Он знал, что тут есть ошибка, серьёзная ошибка. Но как её исправить, не понимал. Надеялся, что всё разрешится само собой, когда парень повзрослеет.

Как это получилось? Сперва была просто служба, потом война. Аррен вернулся домой, едва не потеряв ногу, когда сыну было семь. Семь — вроде бы ещё маленький. А вот поди же ты, Теона уже вылепила из него маменькина сынка. И винить её было не в чем. Делала, как подсказывало ей женское сердце. Берегла от работы, утешала, жалела. Всё это не плохо, но в меру. А она... «Что ты, Аррен, с ума сошёл — рассказывать ему такие страшные истории? Спать не будет!» Аррен знал, что виноват, нужно было больше заниматься мальчиком. А он вместо того с головой ушёл в хозяйство. Тяжело было начинать всё сначала, жить новой жизнью. Аррен никогда не думал о себе как о калеке, но... было тяжело. У него получилось, но с сыном что-то не ладилось.

Почему не хотел говорить Лукасу про мальчишку-найдёныша, он и сам не знал. Просто

подрагивала внутри тонкая нить тревоги. Аррен привык слушать себя. Может, потому и не любил болтать — слова заглушали голос внутри.

— Что за мальчишка? Может, воришка какой? А что за болезнь?

Лукас внимательно сощурил тёмные глаза, настороженно подался вперёд. Отец ничего не отвечал.

— Так что за болезнь? Может, он заразный, а?

Аррен на долю секунды плотно сжал губы, привычно ощутил, как плотный шрам тянет щёку. Вдохнул, потёр лоб и ответил:

— Всё нормально, Лукас. Не беспокойся, всё нормально. Ешь, еда стынет.

Наутро Аррен вошёл в комнату, где лежал мальчишка. Теона устроила его в дальнем углу дома. Раньше там жила старуха нянька, но той уже лет семь как не было в живых. Аррен огляделся: да, всё оставалось по-прежнему. Небольшое окошко, стол с лампой. Здесь у старухи вечно лежало вязанье, мир её праху.

Покрывало на кровати шевельнулось. Он обернулся. Мальчик лежал на животе, обхватив руками подушку и засунув под неё ладони. Русые волосы на затылке взлохмачены. Давно ли Лукас был таким? Вырос, того и гляди заговорит о женитьбе.

Ребёнок дышал ровно. Аррен шагнул вперёд. Осторожно, чтобы не напугать, отодвинул

прядь волос и тронул висок. Жара нет, Теона постаралась. Мальчик вздрогнул и шевельнулся. Широкий ворот чистой рубахи съехал, открывая повязку с полосой запёкшейся крови. Мужчина нахмурился и невольно качнул головой.

— Эй,— хрипло позвал Аррен.

Парнишка немного повозился. Хотел подняться, но, видно, двигаться было больно. Аррен протянул свою огромную ладонь и приподнял его, помогая сесть. Весу — как в комаре. Понравилось, что парень не стонет, не кричит, терпит боль. Мальчик поднял голову, настороженно, как зверёк, вскинул взгляд на громадного человека, стоявшего рядом.

Аррен вздрогнул и, вздёрнув подбородок, невольно сделал шаг назад. С худого, чуть смуглого мальчишечьего лица блеснули прозрачные серые, почти не имеющие цвета глаза. Странная тревога пронзила всё внутри. «Я слышу, слышу! Дай мне понять, что с ним такое. Кто он?»

Аррен хотел заговорить, но голос полностью превратился в хрип. Он прочистил горло и спросил:

— Кто ты такой? Твоё имя?

Мальчик, не сводивший глаз с его лица, точно так же кашлянул и тихо ответил:

— Аруми.

— Аруми? — нахмурился мужчина. — Это имя дали тебе родители?

Мальчишка нахмурил тонкие брови:

— А что не так?

— Ты знаешь, что оно означает?

Мальчик плотно сжал губы. Помолчал, потом нехотя бросил:

— Серебряный.

— Верно. Это язык древнего народа. Кто ты?

Аруми хотел пожать плечами, но скривился от боли. Ответил коротко:

— Сирота.

— Откуда ты? Ты раб?

Мальчишка вскинул бешеный прозрачный взгляд:

— Я не раб! Они держали меня втроем, чтоб поставить клеймо! Я палец одному прокусил до кости.

Аррен усмехнулся, качнул головой.

— Ладно, потом поговорим. Отдыхай.

Он вышел на крыльцо, вдохнул иссушающий воздух. Надо верить, что пойдёт дождь. Надо верить... Под перевёрнутой телегой, приготовленной для починки, что-то шевельнулось, мелькнуло рыжим. Аррен пригляделся: лиса? Не поверил глазам, подошёл ближе. На старом тряпье рядом со сломанным колесом лежала кошка, у брюха примостились маленькие пушистые комочки невиданной огненной масти. Сосчитать было сложно. Кажется, четыре. Подарок

или предупреждение об опасности? Аррен точно не знал. Сердце его наполнилось тревогой.

К вечеру Аруми встал на ноги. Кряхтел, старался не двигать плечами, но поднялся и вышел во двор. Заживающие раны тянули и рвали кожу, но он терпел. Надо решить, что делать. Говорить или нет? Нужно быть очень, очень осторожным. Он видел, что бывает...

Мальчик не успел поставить щит там, внутри, и воспоминание молнией прорвалось сквозь ветхие заслоны.

Станный звук. Как будто что-то разрезает воздух. Быстро, мгновенно. Ортис говорил: бросая нож, ты должен видеть конечную точку. Сейчас в конечной точке звук становится странным, превращается в хрип. Аруми велено стоять за шторой и не высовываться, но он не может удержаться. Он смотрит. Конечная точка — это затянута в чёрное широкая грудь. Этих звуков теперь не забыть. Не забыть и яркой струйки, показавшейся в уголке рта и змейкой сбежавшей по бороде. Алое на чёрном незаметно. Просто ткань как будто намочили. Аруми слышит ещё один звук — кто-то скулит или пищит. Это он сам.

Аруми зажмурил глаза и изо всех сил замотал головой: «Уйди! Уйди немедленно!» Тогда, сразу, ему казалось, он ничего не помнит. Но потом каждая часть секунды, замедлившись, встала в полный рост. Звуки, цвета, даже запахи окружали его, наваливались плотным кольцом, душили. Тогда пахло гвоздикой, потому что как раз было время её цветения. И в открытое окно несло этим сладким ароматом. Ароматом, который теперь был для него тошнотворным, без преувеличения. Мальчик чуял его мельчайшую каплю, растворённую в воздухе. От кого-то в имени Трайда пахло гвоздикой. Это вроде масло, некоторые мажутся... Он не знал, кто это был, но вывернуло его тогда мгновенно.

— Эй, что это с тобой?

Аруми открыл глаза. Рядом насмешливо щурил глаза взрослый парень. Красивый, темноволосяй, темноглазый. Он был хорошо одет, не для работы.

— Чего молчишь? Это ты больной?

— Я не больной! — Аруми нахмурился.

— А чего тогда трясёшь башкой? — парень засмеялся и потряс головой, изображая его.

Похоже, это был хозяйский сын. Весёлый. Наверно, это было и вправду смешно, но Аруми не хотел смеяться. Смех — это сближение. Сближение — это слабость. Он не хотел быть слабым.